

Печать Императорского Варшавского университета

Университетская

В нынешнем году Южный федеральный университет празднует 100-летнюю юбилей. Его история началась в 1915 году, когда в Ростов-на-Дону был эвакуирован Императорский Варшавский университет. Переехав из-за военных действий на территории Царства Польского, в Россию он столкнулся с новыми потрясениями: революция, гражданская и Великая Отечественная войны, советская ломка. О том, как старейший университет Юга менялся вместе со страной и как изменил город, рассказывает Антон ИВАНЕСКО, кандидат исторических наук, доцент Института истории и международных отношений, один из авторов монографии об истории ЮФУ.

ПРЕДЫСТОРИЯ. ЖИЗНЬ В ПОЛЬШЕ

— Начнем с того, что жизнь университета в Привисленском крае (так часто называли территорию Царства Польского) всегда была непростой. Когда польские земли стали частью Российской империи, наша государственная власть попыталась создать там университет, который готовил бы элиту, лояльную интересам России. Сначала это был Королевский университет Санкт-Петербурга, учрежденный указом Александра I в 1816 году и закрытый после ноябрьского восстания 1831 года. Потом, в 1862 году, было создано другое польское высшее учебное заведение университетского типа — Варшавская Главная школа. Собственно, его и преобразовали в Императорский Варшавский университет в 1869 году, который в 1915 году и переехал в Ростов со всеми четырьмя факультетами: медицинским, физико-математическим, историко-филологическим и юридическим. С 1860-х годов в Привисленском крае проводилась политика русификации: судопроизводство и преподавание в средних учебных заведениях переводились на русский язык. Создание русского университета завершал этот процесс. Профессорам-полякам из Главной Школы (они составляли большинство)

разрешено было работать в Императорском Варшавском университете с условием перехода в течение двух-трех лет в преподавание на русский язык и переезда части своих степеней, если те были получены не в российских университетах.

Существует устойчивое мнение, согласно которому это было крайне болезненно. И, как правило, все ссылаются на воспоминания профессора Вульфа, учившегося, а затем и работавшего в Варшавском университете. По его словам, выдающиеся талантливые лекторы читали на ужасном русском польской студенческой публике, которая понимала бы их лучше, если бы предмет излагался на родном языке. Однако тут есть нюансы.

Есть, в частности, документы, где указано место получения образования преподавательским составом Главной Школы. Почти 2/3 из них заканчивали российские императорские университеты или защищали там докторские диссертации. Не зная языка они не могли. Хотя, конечно, это был вопрос не столько технического перевода на другой язык, сколько чувства унижения национального достоинства.

Из-за языковой политики профессорам-полякам становилось все меньше и меньше. В последний учеб-

ный год (1914—1915) в Варшавском университете работало только один польский профессор. Лояльных абитуриентов тоже не хватало, поэтому существовали послабления при поступлении для выпускников духовных семинарий из внутренних областей России. Обычно для семинариста попасть в университет было сложно, дорога туда была открыта, в основном, для гимназистов. И все равно до 1906 года большинство в студенческих аудиториях также составляли этнические поляки.

— Как сами студенты воспринимали такую политику?

— Студенты, как и вся польская общественность, подозревали университет в альянсе с русским правительством, видели в нем часть чужой государственной машины. Они частенько бунтовали, и по политическим, и по бытовым мотивам, и вообще, как кажется, без мотивов, несмотря на деятельность специальной университетской инспекции, которая жестко следила за дисциплиной в учебных и лабораторных корпусах и пыталась контролировать поведение вне стен университета, что было, естественно, практически невозможно. Некоторые выходы были специфически студенческими. Например, студенты-естественники в качестве протеста любили разбрасывать склянки с воюющей жидкостью, так они сорвали выступление одной театральной труппы. Или — забросали чернильными дома немецкого консула.

Есть многочисленные ситуации, показывающие сложные отношения между поляками и русскими. Однажды в публичном доме (студенты, к слову, были частыми посети-

телями этих заведений) произошла ссора между ними и поручиком. Студентам-полякам показалось оскорбительным, что он обращается к одной из местных «сотрудниц» исключительно на русском языке.

В архивах сохранилось множество документов, говорящих о том, как они договаривались и срывали занятия, во внутреннем дворе собирались и скандировали лозунги, демонстративно не понимали русского языка, расклеивали прокламации (что было строгае запрещено) или пытались поредить имперский герб в актовом зале университета. Могли захлопать профессора, формально оказывая ему знаки почтения, а на самом деле не давали читать лекции. Или стучали ногами. В общем, уловок было много.

В годы первой русской революции историю университета делали студенческие беспорядки. Доходило и до прямого физического насилия: в студенческом-поляков жестоко избил профессор Амалицкий. Польская общественность объявила русскому университету бойкот, и в январе 1907 года в нем числилось всего 14 студентов. Университет был закрыт и бездействовал до 1908 года. Варшаву захлестнуло уличное насилие, в котором принимали участие и студенты. Было даже введено военное положение, и в польской столице русских войск было больше, чем в столице империи Санкт-Петербурге.

— Студенты отчисляли за их поступки?

— Действовали по-разному: записывали выговор в штрафную книгу, а могли отчислить из университета, причём как с правом восстановления, так и без такого права. И все это, конечно, лишило перспектив на получение стипендий или освобождения от платы за слушание лекций. Но для начала их нужно было поймать, а это достаточно сложно. Студенты действовали согласованно и солидарно. Иногда и массовые отчисления применялись, однако это, как правило, порождало новую волну протестов.

В большом количестве найденных документов говорится, что конкретных начинаний установить не удалось. Вообще складывается впечатление, что не очень-то и старались. У профессоров были свои претензии к властям — за ограниченную в российской традиции академическую автономию и мелочную бюрократическую регламентацию университетской жизни.

— Какие политические требования они выдвигали?

— Одни выступали за широкую автономию университета с переводом преподавания на польский язык и повышения политического статуса Царства Польского, более радикальная часть требовала независимости Польши. Были и те, кто выступал с проправительственных позиций. Была еще одна тональность в прокламациях студентов: давайте останемся вне политики, общество ждет от нас не валиния дурака, оно нуждается в хороших профессионалах, которые будут управлять, лечить, преподавать. Вообще, все университетское сообщество не было едино по польскому вопросу.

— Преподаватели оставались вне политики?

— Как раз профессор Варшавского университета не могли себе позволить уютную позицию агента просвещения, человека науки и образования. Они, скорее вынужденно, выступали в качестве проводника государственных интересов. Профессорская корпорация в факультетских собраниях или в университетском Совете четко делилась на «русскую» и «польскую» партии. А был еще, по воспоминаниям профессора Кареева, «гагреновский центр» из нескольких профессоров, которые голосовали солидарно то с одними, то с другими.

Были и те, что ощущали себя носителями государственной миссии и рассуждали так: Царство Польское покороно, оно — часть империи, поэтому должно и в культурном отношении ассимилироваться. Таких было немного, но достаточно для того, чтобы польское общество воспринимало императорский университет как еще один символ российского владычества в Польше, вместе с Александровской цитаделью и собором Александра Невского.

ЭВАКУАЦИЯ.

КАК УНИВЕРСИТЕТ ПОПАЛ В РОСТОВ

— Идея об эвакуации университета существовала и до 1915 года, но в первую мировую войну она стала неизбежной. Во время Первой русской революции возникла целая кампания по организации переезда, которую возглавил профессор Амалицкий. Главным претендентом тогда был Саратов, в котором в 1909 году все-таки открыли университет с одним медицинским факультетом. В Ростове же в 1915 году Варшавский университет попал транзитом через старую столицу. Московский университет с трудом размещал прибывших. Ведь вместе с частью материальных ценностей при-

ехали и профессора, и сотни студентов. Сразу несколько городов претендовали на то, чтобы принять у себя «варшавяно». Это и Пермь, и Тамбов, и Тифлис, и Екатеринбург, и тот же Саратов. В итоге Совет университета принял решение ехать в Ростов-на-Дону.

Город готов был выделить средства, причем достаточно крупную сумму — в общей сложности порядка двух миллионов рублей. Город мог предоставить различные здания для размещения клиник, лабораторий, читальных залов, учебных аудиторий, университетской администрации. «Варшавяне» сначала приехали сюда с делегацией, чтобы оценить перспективы. Профессора были довольно капризны, абы куда переселяться они не хотели.

В Ростове Варшавскому университету были переданы 2-й городской доходный дом, здание торговой школы и коммерческого училища, комплекс Николаевской городской больницы, дом общества попечения о детях и так далее.

Правда, сомнения, что Ростов сможет стать университетским городом, все-таки были. Тогда он имел славу торгового, богатого, делового города, этакое российское Чикаго, но с интеллектуальной жизнью были проблемы, профессоров не устраивала библиотека, которая не отвечала их запросам, возможности типографий, бедность музейных собраний, квартирный фонд для студентов. Но фондом всех этих событий была тяжелейшая война. Как бы то ни было, до этого на юге России не было ни одного университета, хотя и существовало много провинтов по его созданию...

— В чем причина?

— На пустом месте сложно создать университет. В Императорском Варшавском было почти 50 кафедр, а это, в идеале, 50 профессоров, докторов наук. К 1915 году в Ростове не было ни одного человека с ученой степенью или званием. Причем университету нужны не только высокопрофессиональные преподавательские кадры, клиники, лаборатории и библиотеки. Нужны и потенциальные абитуриенты. В этом плане Область Войска Донского в целом удовлетворяла требованиям. На Дону к 1915 году было порядка четырех десятков средних учебных заведений и более 14 тысяч учащихся.

— Какие материальные ценности Императорский университет привез с собой?

— В июне 1915 года эвакуация происходила довольно успешно, хотя к ней и готовились. Из библиотечного фонда, который составлял

Встреча делегации профессоров императорского Варшавского университета в Ростове-на-Дону (1915 г.)

